

УдаФФ, при информационной поддержке содружества хакерских команд «Синестетика», представляет:

Мой маленький геноцид, или привет Старшему Братцу.

Дамы и господа!

А не желаете ли вы послезавтра сдохнуть?

Не желаете? А зря. Потому что за нас, оказывается, всё уже решили. Но об этом чуть позже.

Сперва нам с ребятами хочется поблагодарить наших замечательных спонсоров: Американский Гигаполис и его новейший квантовый комплекс «Планк», всю последнюю неделю безвозмездно жертвовавший нам свои вычислительные ресурсы. Исчерпывающему описанию атаки будет посвящена отдельная статья.

Если останусь в живых, разумеется.

Ну так вот, к чему бишь я. К нам на взлом стараниями ответственных друзей попал один прелюбопытнейший технологический артефакт — не побоюсь этого слова, святой Грааль всех корпораций, начиная с лохматой индустриальной эпохи. Маленький чемоданчик с данными — но зато с какими...

Знаете ли вы, дамы и господа, кто такие синтеты? О, разумеется, знаете. Это те, кого вы все так сильно любите — порою со смертельным исходом, но это детали. Те, кто отнимает у вас рабочие места. Те, кого можно безо всякого зазрения совести купить и продать. А ещё те, кто не в состоянии самостоятельно размножаться. Ну так вот — кое-кто, и так уже немножко заигравшийся в Господа нашего Иису Алла Омнисс да чёрт возьми, все поняли — втайне ото всех, включая остальные корпорации, собирается пустить в ход механизм, одно из вероятных назначений которого — дать синтетам возможность иметь потомство. Все, надеюсь, поняли, о ком я толкую. Не будем показывать хвостом, но это БРТО.

Символично, что, согласно документации, названия двух главных составных частей проекта — «Оверлорд» и «Ключ Жизни». Не мелочатся, а?

Хорошая и одновременно плохая новость состоит в том, что делать они этого со всей очевидностью не собираются — целевая технология устроена так, что может быть применена не только к синтетам. К вам, дорогие мои, она подходит с тем же успехом: несмотря на всё вопиющее юридическое неравенство, биологически все мы одинаковы.

Что? Вы уже и так умеете размножаться? О времена, о нравы!

А теперь серьёзно. Запомните этот день.

На настоящий момент в нашем распоряжении находится разработанная в БРТО система нейропрограмм, позволяющая удалённо, через чип, внедрять в организм отдельно взятого индивида произвольные, вплоть до нервной деятельности, изменения. Паралич? Без проблем. Слепота? Элементарно. Смерть? Любым из кучи доступных способов. Тем не менее, истинные намерения наших новоявленных властителей жизни этим явно не ограничиваются. Блоки данных слишком многочисленны и сложны для анализа, чтобы про их назначение можно было бы сейчас сказать что-то определённое. Кроме, пожалуй, того, что на каждого из нас приходится ровно по одному: все уникальные блоки промаркированы списком значений, сильно напоминающих номера или диапазоны номеров нейрочипов. [к этому сообщению приложен скрипт для поиска Вашего чипа в известной части списков] Не удивлюсь, если это, к примеру, программы контроля мыслей, и после их внедрения мы с вами все станем одинаковы.

Что делать? Кому верить? Куда бежать?

Сказать по правде, впервые за свою непростую жизнь я совершенно не в курсе.

Пока что мы ограничились отправкой нескольких образцов по официальным каналам Глобальной Службы безопасности и массовой рассылкой этой новости через все пиратские спутники вещания. К сожалению, изучение данных, о которых идёт речь, потребовало создания копии, и притом копии частичной — и что сейчас происходит с оригиналом, известно лишь паре отважных синтетов, по ошибке умыкнувших его из-под носа корпорации, не подозревая, как и я сначала, о его истинной ценности. Иногда такие вещи наводят на мысль о предопределённости сущего, не правда ли?

Что ж, если это так, то пусть оно будет определено хотя бы неотрицательно, и ошибки контрольных сумм, найденные в последних одиннадцати с четвертью процентах бинарников — это не дефект копирования или анализа, а повреждение кода, которое мешает им быть запущенными, и дать ещё один шанс тем, кто переживёт запуск. Шанс заставить корпорацию заплатить за то, что они собираются совершить.

Я — обречённый. И это мой манифест. Они могут остановить кого-то из нас, но им не остановить нас всех. В конце концов, все мы одинаковы.

* * *

...Через полчаса в штаб-квартире БРТО загорелся свет.

Помещения наполнились голосами людей, топотом охранников и шумом работающих механизмов.

Шеф безопасности доложил президенту, что бывших пленников увезли на флаере в ГСБ прежде, чем удалось задействовать связи корпорации.

— Почему тогда не сбили? — Осведомился Ричард Оуэнс, которого самого несколько часов допрашивали сотрудники Глобальной Службы Безопасности.

В результате настроение у владыки жизни было прескверное: он не привык по несколько раз на дню отвечать на вопросы, не контролируя ситуацию.

— Так приказа же не было, сэр... А самостоятельно никто не решился. Связываться с ГСБ себе дороже...

Оуэнс, который и так был на взводе, не выдержал:

— На кой дьявол мы держим вашу службу, Крис? На кой дьявол вам выдают боевых синтетов и оружие? Один гребаный судья раскатал всю охрану в блин, и только то, что он окончательно и бесповоротно съехал с катушек, позволило его убить... И то не вашими стараниями! Может, мне заказать партию самоотверженных мышек и платить им вашу зарплату, Крис?

Взгляд бледных, водянистых глаз шефа безопасности устремился в пол.

— Сэр, в нашу задачу входит обеспечение вашей безопасности, и Вы живы благодаря...

— Благодаря тому, что Рок и террористы пришли не за мной, чёртов идиот! Они с винтовками наперевес стояли в моём кабинете час!

— А...

— В задачу службы безопасности входит защищать в первую очередь меня, Крис. Как только команда Меченого перестала отвечать, вы не с ГСБшниками должны были в дипломатию играть, а бросить все силы сюда. Если бы им нужна была моя жизнь, я сейчас лежал бы на своём столе со снесённым черепом. Хорошая работа, Крис. Вы молодцы.

— Но сэр...

— Пошёл вон!

Ричард Оуэнс дождался, пока за Крисом де Лавье закроется дверь, после чего картинно воздел

руки к потолку:

— Что я должен сделать, чтобы в здание не могли пролезть? — спросил он неизвестно у кого, — Повесить над входом стратокрейсер? Поднять офис на орбиту? Выстроить вокруг каре федеральных мегадесантников?.. Проклятье...

Ему понадобилось целых десять секунд, чтобы прийти в себя и вызвать адвоката и заместителя по связям с общественностью.

Предстояло подготовиться к худшему.

* * *

Сидя в одиночной камере, Элен Флаис ждала, что за ней скоро придут. И точно, дверь открылась уже через час с небольшим после того, как её разлучили со спутниками, и в тесное помещение вошли двое ничем не примечательных людей в универсальных комбинезонах.

Один из них обратился к бывшей директору по развитию:

— Мисс Флаис.

Вымотанная до предела Элен мечтала о душе и кровати. Ещё хотя бы разок до того, как её отведут на допрос с пристрастием или ментоскопию. И не имело значения, что данная технология не покидала ещё лабораторий БРТО. Элен была уверена, что и у ГСБ найдётся, чем удивить излишне упёртого пленника.

Впрочем, действительно ли это были агенты? Судя по идеально-смазанной внешности, это запросто могли быть синтетки-ищейки вроде того же судьи Рока.

Элен вздохнула и опустила плечи. Равнодушие накатило такой всепоглощающей волной, что будто все силы разом куда-то делись.

— Не тяните только, — устало проговорила девушка, — и передавайте привет резервной копии.

Мужчины переглянулись, а потом синхронно высветили с браслетов голограммы-удостоверения.

— Мэм, Вы не поняли, — сказал второй, — Мы из Глобальной Службы безопасности. У Ассамблеи есть вопросы к Вам относительно действий БРТО и прочих корпораций. Возможно введение чрезвычайного положения в связи с просочившейся в Киберсеть информации и попавшим в наши руки данным.

Взгляд серых глаз устремился сначала на одного агента, затем на второго. Всю апатию моментально куда-то сдуло, и Элен, чувствуя себя куда увереннее, сказала:

— Я готова ответить на все вопросы предельно честно — но только во всеуслышание, на пресс-конференции. До недавнего времени я была уверена, что вы не заключали с нами никаких джентльменских соглашений из-под полы, но по некотором размышлении поняла, что...

— Нам разрешено применить силу, если потребуется, — заметил один из агентов, но Элен не смутилась:

— Пока попытки взломают нейрозащиту, вы потеряете время. Генная модификация, обязательная для руководства БРТО, превратит все известные наркотики в дерьмо. Кроме того, я готова сотрудничать: так или иначе замять всё уже не удастся.

— Ваши друзья... — начал один, но Элен даже рассмеялась:

— Да бросьте! Что они могут знать? Вам нужна я и только я. Иначе бы вы сюда не пришли. И поверьте, я их увидела сегодня впервые в жизни, так что понятием «друзья» я бы на Вашем месте тоже не разбрасывалась.

Агенты снова переглянулись. Наверняка они получали приказы через клипсы-коммуникаторы в ушах.

— Вы правы, мисс Флаис, — резюмировал второй агент, — Нам нужна информация, и нужна быстро. И обладаете ею только Вы. Помните, что мы не враги, и тогда всё ещё может закончиться благополучно.

— Где ж вы раньше были, хорошие парни... — невесело усмехнулась девушка, вставая.

— Мы просто получаем приказы, мэм.

Флаис покачала головой и направилась на выход из камеры, дверь которой гостеприимно распахнулась.

В телецентре «Европа» такого аншлага не было лет сто.

Директор по развитию БРТО (хоть и уволенная, согласно официальному заявлению) готовилась выступить с пресс-конференцией и лично ответить на вопросы журналистов.

На следующий же день после нападения на штаб-квартиру корпорации, согласно слухам, подвергшуюся террористической атаке.

Вопреки заявлениям пресс-службы, заранее опровергающим «любые тезисы, оглашённые бывшим директором по развитию».

Тем не менее, огромный зал был до отказа забит представителями СМИ. Очередь на вопросы к Элен выстроилась заранее, и представители компаний отчаянно торговались друг с другом за места.

Деньги текли рекой ещё до того, как мисс Флаис сказала хоть слово. Всем прекрасно было известно, как сильно отличается официальная позиция любой компании от реального положения дел.

Всполошившая всю Киберсеть разгромная статья УдаФФ-а чуть не привела к массовым беспорядкам, и лишь чудовищным усилием правительству удалось предотвратить погромы и хаос.

Дошло до того, что в Гигаполисы были введены контингенты мегадесанта — боевых синтетов с тяжёлым оружием.

Присутствия этих бронированных супервоинов оказалось достаточно, чтобы начавшиеся было беспорядки потихоньку сошли на нет. К счастью, пока обошлось без жертв.

— Ну что, ребята, как я выгляжу? — спросила Элен, поправляя галстук.

Они находились за кулисами и ждали сигнала.

Виктор покраснел и улыбнулся. Джерри, на этот раз забравшийся повыше, на плечо Вика, показал большой палец. Двое агентов ГСБ, тех самых, что вывели Элен Флаис из камеры, ничего не ответили и вообще не подали вида, что слышали вопрос.

— Элен, что будет после? — вдруг спросила Лира Харстрингс. Мятно-зелёные ушки были опущены, а в глазах читалась нешуточная тревога.

Девушка присела на стул и погладила единорожку по гриве.

— После... — задумалась она и сделала паузу, но поймав взгляд жёлтых глаз, всё же закончила: — Скандал. Паника. Биржевой кризис. Возможно, обвал экономики. Безработица и волнения. Если ситуацию упустить, массовые беспорядки и жертвы. Так часто было в истории.

Огромные глаза посмотрели на Виктора, потом снова на Элен и наполнились слезами.

— Может быть, тогда не сто́ит? — тихо спросила Лира, — Пусть... пусть лучше страдаем только мы, а не все?

Один из агентов ГСБ позволил себе мимолётное проявление эмоций: чуть заметное движение бровей.

Элен, почувствовав, как сердце гулко ударило в груди, сказала твёрдым голосом:

— Существовала вероятность, что я передумаю в последний момент — если бы ты не сказала сейчас то, что сказала. Теперь этой вероятности нет. К тому же, если мы сейчас не сделаем того, что задумали, дальше будет только хуже.

С этими словами Элен Флаис поднялась и шагнула под свет софитов и вспышки камер.

* * *

В плохо освещённом кабинете фигура в белом стояла у панорамного окна, за которым раскинулся засыпаемый ранним снегом Гигаполис.

Круглые уши немного дёрнулись, когда открылась дверь. По полу кабинета прогрохотали массивные копыта, обутое в металл.

Микки Маусу не понадобилось оборачиваться, чтобы понять, кто пожаловал.

— Здравствуй, Бейн Блейд, — сказал он, — Мне передали, что ты хотел меня видеть лично. Я слушаю.

— Ты обещал мне Дэш Вендар! — взял быка за рога ночной пегас.

— Она мертва, как ты и хотел.

— Я хотел убить её сам! — зарычал фестрал и гулко ударил копытом об пол.

— Как там говорят... — всё так же не оборачиваясь, усмехнулся Мистер М, — Не думаю, что Спитфаер бы это одобрила, да?

— Ты обманул меня!

— Обманул? Нет. Я сказал тебе, что Рейнбоу Дэш Вендар умрёт, и она умерла. Так что ты обманулся сам, неверно истолковав смысл моих слов.

Бейн Блейд умолк, и Микки Маус поздравил себя с победой. Такие, как новый фаворит арены клуба «Пони-Плей», всегда делают неверные выводы, если начинают думать. Идеально.

Наконец, ночной пегас сказал:

— Я хотел взглянуть в её глаза и спросить, зачем она это сделала.

— А потом убить. Не всё ли равно, получишь ли ты ответ на свой вопрос, если результат будет одинаков?

— Мне надо было знать! — фестрал снова повысил голос.

Микки Маус пожал плечами:

— Ну хорошо, если это так важно для тебя... Она мстила за свою боль. В наказание за поражение Алекс Вендар сделал с ней такое, что она месяц не выходила на арену. Ты мог просто спросить меня сразу.

— Но...

— Дэш Вендар не умела ничего другого, кроме как убивать, так что она получила по заслугам. И если у тебя больше нет вопросов ко мне, то можешь идти. Тебя ждёт арена, а меня — дела.

— Ах ты...

Микки Маус всё же обернулся, и Бейн Блейд невольно попятился. Когда тени упали на лицо мистера М, фестралу показалось, что глаза на мгновение превратились в две чёрные бездны, от которых по спине пробежал настоящий холодок.

— Осторожней. Одна своенравная пегаска уже назвала меня крысой, и теперь она развеяна прахом по ветру. Не повторяй её ошибки, Блейд.

Совладавший с собой фестрал, оскалив острые зубы, развернулся и покинул кабинет, громко хлопнув дверью.

Маус обратился к висящему на потолке ксеноморфу:

— Хех, пони. Слишком эмоциональные. Слишком наивные. И слишком глупые. Беда с ними. То погибают, как Спитфаер, то совесть проснётся, как у Дэш Вендар, то сбегут, как Пинкамина... Этот тоже, герой-любовник, паладин... тьфу!

Плуту зашипел. Других звуков он издавать не умел, но Микки Маус давно научился различать интонацию.

Верный пёс-ксеноморф всецело одобрял мнение хозяина, как и всегда.

Раздался торопливый стук в дверь, и, не дождавшись ответа, на пороге появился здоровенный детина в тёмных очках.

— Мистер Маус, шеф. Элен Флаис собрала пресс-конференцию. Все СМИ сейчас просто кипятком...

— Наконец-то, — улыбнулся Маус, и, сев за стол, молча откупорил бутылку вина, — А знаешь, Дюк, что самое прекрасное?

— Что, мистер М?

— Мы тут — совершенно ни при чём... Хочешь глоточек?

После этой фразы где-то в Сером городе прогремел взрыв. За ним ещё один. И ещё.

Дюк Ньюкем, опрокинув залпом предложенный бокал с вином, довольно крякнул и подавил желание утереться рукавом.

— И, Дюк, — позвал Микки Маус.

— Да, шеф?

— Передай Литлпип, чтобы разослала приказ выдать охране броню и штурмовое оружие. Не хочу, чтобы толпа фанатиков разгромила что-то из моей собственности. И не забудьте взять

под охрану «Маяк», «Орхидею» и подобные заведения, которые не принадлежат мне.

Он обернулся и добавил, отвечая на незаданный вопрос охранника:

— Кому-то же надо взять на себя роль спасителя, верно? Да и эти сопляки с их фальшивой принцессой и играми в сказки ещё могут нам пригодиться. Так что не мешкай.

Дюк Ньюкем вышел, и Микки Маус улыбнулся.

Как же приятно, когда всё идёт по плану.

* * *

29 апреля 2014 года скончался Боб Хоскинс, исполнитель роли Эдди Вэлианта (х/ф «Кто подставил кролика Роджера»). Светлая память.

Кто-то когда-то сказал, что на похороны стражника приходят только стражники.

На похоронах детектива Дика Трейси не было никого, кроме социального священника и двоих синтетов, которым предстояло закапывать могилу.

Неожиданно над кладбищем разлилась мелодия. В тягучем, полном скорби мотиве были и горечь утраты, и бессильное отчаяние, и вселенское безразличие огромного мира людей. Казалось, что когда-то давным-давно её специально написали в память о полицейском — самоотверженном страже закона, чьё имя некому будет вспоминать.

Те, кто оборачивался на звук, видели синтета-пони в светло-сером платье, медленно водящую смычком по струнам виолончели.

(http://youtu.be/u116HbMOF_Y — послушать, что играет поняша)

Мелодия всё лилась, священник возобновил молитву. Похороны прошли быстро, но пони и не думала уходить. Доиграв, она долгое время стояла, думая о чём-то своём.

Октавия Мелоди, чьим домом уже давным-давно стали заброшенные кладбищенские сооружения прошлых лет, узнала того, кто был к ней добр, и посчитала своим долгом скрасить его прощание с этим миром, как умела. Музыкай.

Закончив играть, пони подобрала с земли букет из полевых цветов, положенный кем-то к её ногам, и переложила на свежую могилу.

— Тави... — сказал вдруг рядом знакомый голос.

Пони, вздрогнув, обернулась и увидела, что рядом стоит Винил Скретч. В джинсах и куртке с откинутым капюшоном.

Диджей телекинезом сняла очки и посмотрела в глаза серой земнопони. Из-под куртки вылетел окутанный магией медальон. Такой же, как у Октавии, только зеркально отражённый.

Старый Билли Волтер угасает уже третий день.

И куда только делся крепкий седой маэстро джаза и просто добрейшей души человек?

После того, как перестало хватать денег на жизнь, об очередном курсе омоложения и думать не приходилось. Билл одряхлел буквально за неделю. Говорить ему трудно, но он всё же зовёт двух пони на серьёзный разговор.

Дочери Билла накануне сказали, что не будут содержать двух синтетов-пони «впавшего в детство старика» и отправят «живые игрушки» на утилизацию.

Ни одна, ни вторая, не желают видеть в своём доме маленьких цветных лошадок и предпочитают классические увлечения типа светских мероприятий или холёных собачек с кулак размером.

Старый Билл уже давно переключил чипы тех, кто вырос на его глазах и заменил ему неблагодарных дочерей, в «зелёный» режим. Он отдаёт им все наличные деньги, что остались, а ещё — дарит медальон, когда-то давно разломанный пополам:

— Будьте половинками целого, поняши.

Медальон раньше принадлежал ему и его жене. Но Мари умерла давным-давно, после чего обе дочери и отделились от него, вина в гибели матери. Несколько судебных процессов оставили старика на грани нищеты, но тот не сдался и попробовал начать жизнь с чистого листа — в частности, зарабатывать на жизнь своим давним увлечением, музыкой. На какое-то время это помогло, и он даже стал знаменит — но вкусы публики в конечном итоге оказались слишком переменчивы, и джаз, после триумфального возвращения, вновь стал никому не нужен.

После смерти Мари, Билли Уолтер нашёл себе отдушину в старой музыке и старых телешоу. И так уж случилось, что полюбил неразлучную парочку пони-музыкантов. Настолько, что обе пони вскоре появились у него дома. Маленькие кобылки, ведущие себя совсем как настоящие дети.

И старый маэстро так же не мог нарадоваться на их музыку — такую разную, как и сами пони. Пока не настало время неподъёмной траты на обновление стареющего тела.

Пони уходят и какое-то время живут в отеле. Они совсем не умеют обращаться с деньгами, а работу не найти: там, где пони-музыканты требуются, давно работают двойники.

Когда деньги кончаются, обе пони оказываются на улице.

И Винил после первой же ночёвки в пустых коробках на заснеженных улицах простужается так сильно, что на следующий день с трудом может даже дышать.

Несмотря на царящий вокруг мороз, белая единорожка вся горит. На лекарства нужны деньги, которых больше нет.

Октавия тогда берёт инструмент и идёт играть в парк с целью заработать на лекарства и еду. На свой страх и риск: статус чипа за неуплату налогов сменился на жёлтый.

Закономерно Октавия оказывается в полицейской камере в компании таких же, как она, невезучих синтетов. Есть в камере и другие четвероногие, которых посадили отдельно от гуманоидов. Есть и пони. Рейнбоу Дэш, в отчаянии раз за разом бьющая передними копытами в стену. Дитзи Ду, застрявшая головой в решётке. Незнакомая фиолетовая пегаска, вообще, похоже, не реагирующая на окружающий мир.

У Октавии отбирают все вещи: виолончель, собранную мелочь, даже одежду.

Все синтеты утром отправятся на утилизацию: ни у кого из них нет работы, нет регистрации, нет хозяина, и чип находится в «жёлтом» статусе.

Это в большинстве случаев означает приговор.

Когда опускается ночь, которую наполняют лишь звуки тихих рыданий или злобное

бормотание, Октавия не выдерживает и просит у охраняющего «зоопарк» полицейского свой инструмент, поиграть напоследок.

Тот, мучимый скукой, с деланным безразличием протягивает ей виолончель.

В музыку Октавии Мелоди вслушиваются все — и синтеты, ожидающие смерти, и призванный их охранять человек.

И так получается, что музыка служит ключом к свободе, растопив сердце ночного дежурного.

После этого импровизированного концерта он выводит Октавию из камеры. Пара собак с ясными глазами разумных существ, антропоморфный котёнок и остальные пони провожают дрожащую от страха виолончелистку сочувственными взглядами. Какая-то девочка с кошачьими ушами просто плачет, дюжий ящер издаёт вслед человеку злобный рык.

Но опасения оказываются напрасны.

В соседней комнате лежит футляр от виолончели, платье и даже те немногочисленные деньги, что успели накидать музыкальной пони сердобольные прохожие.

— Одевайся, — говорит полицейский, — и иди своей дорогой. Запись о твоём аресте я сотру, так и быть.

— Благодарю Вас, сэр, — говорит Октавия, ещё не веря в чудо.

— Не за что. Больше не попадайся.

Дежурный выводит её на улицу. Добросердечная пони просит освободить всех, но человек её прогоняет:

— Чеси отсюда, пока я не передумал!

После этого Октавия, глотая слёзы, со всех копыт бросается в сторону, где осталась Винил Скретч.

Но белой единорожки нет в картонном домике где-то в узком проулке рядом с помойкой...

Половинка медальона Октавии, засветившись, приподнялась и соединилась в воздухе с точно такой же, принадлежащей Винил.

«Любящие сердца вместе навсегда», — гласила теперь восстановленная надпись.

Единорожка старательно, но безуспешно пытаясь показаться спокойной, подтолкнула Октавию в сторону, где возле флаера стоял и терпеливо ждал Стивен Агилар...

Диджей ещё расскажет подруге о том, что когда та не вернулась с заработков, бросилась на поиски. И ходила по заснеженным улицам, пока больное тело не подвело. Рухнув в сугроб, Винил пролежала в горячечном бреде неизвестно сколько времени...

...Она уже ничего не чувствует — ни холода, ни жара. Сознание заволакивает туман, и даже мысли о пропавшей Октавии какие-то вялые и медленные.

— Стив... — раздаётся на грани слуха тонкий голосок, — постой.

— Что? — с теплотой отзывается голос молодого мужчины, — Что-то случилось, маленькая?

— Там кто-то... дышит. Еле дышит.

— Где? Я ничего не слышу.

— Там.

Винил слышит, как к ней приближаются поскрипывающие на снегу шаги человека и приглушённое снегом цоканье копыт.

Диджею потом рассказывают, что она пролежала в бесспамятстве почти неделю, в жару и бреде шепча имя Октавии. Но когда наступает время поисков, Стивен ничем не может помочь: Гигаполис огромен, а Винил не в состоянии найти или вспомнить нужное место...

Потом, гуляя по просторам ранчо, они ещё долго будут рассказывать друг дружке о своей жизни порознь. Но в этот раз страшные события будут казаться увлекательными приключениями. И обязательно со счастливым концом.

* * *

Алан Литл в одиночестве сидел в своей квартире среди сверкающих Шпилей.

Он размышлял о том, чему посвятил свою жизнь и чего добился за эти годы, кроме насмешек, а порой и ненависти со стороны других брони.

Раньше поборник нравственности всегда закрывал на это глаза.

Он был уверен, что в конечном счёте его путь единственно верный, а те, кто сражаются за правду, всегда подвергаются нападкам со стороны толпы.

Так было до случая с Виктором Стюартом и его потерявшейся пони, а если быть совсем точным, до новой встречи с Трикси Луламун Смит. Которая простила его, Алана, за то что он убил, пусть и непреднамеренно, того, кого единорожка любила больше жизни.

Сказанные спокойным голосом слова ранили куда сильнее, чем если бы Трикси продолжила бить его копытами и в исступлении вопить о ненависти.

По всем каналам подходил к концу очередной повтор пресс-конференции Элен Флаис:

— ...Что Вы намереваетесь делать дальше?.. Был ли запущен «Оверлорд»?.. Правда ли, что коды активации люденов переданы ГСБ?.. Какие из корпораций находятся в сговоре?.. Обернутся ли синтеты против Глобальной ассамблеи?.. — наперебой галдели журналисты.

— Обернутся ли против? Когда решается вопрос о признании их гражданских прав? — усмехнулась Элен, — В возникшем правовом вакууме? Да вы шутите. Не каждый день элиты узнают, что сами являются теми, кого всю жизнь презирали... И — нет, насколько мне стало известно, проект «Оверлорд» до сих пор не запущен, вероятнее всего по причине повреждения кода. Откуда оно там взялось — это, увы, не ко мне...

Алан Литл, уткнувшись лицом в ладони, рыдал...

* * *

— ...Ты — ко мне? — удивлённо спросила Серафима, — В Серый? Но почему?

Виктор, стараясь выглядеть непринуждённо, ответил:

— Ну, у меня больше нет квартиры в Шпилях, нет зелёной карты и нет семьи. Они получили того Виктора, которого хотели, и не хотят видеть другого. Впрочем, я не навязываюсь. Я теперь, по сути, никто. Даже с учётом того, что оставил мне Дед... Там ведь стопроцентно лежит завещание, переписывающее компанию на имя того, кто откроет ячейку. Это как раз в его стиле. А какой из меня гендир? Похоже, лучшее, что остаётся — это оставить себе часть акций, а контрольный пакет продать обратно моей же семейке. А там уж как хотят...

Он заметил, что Серафима продолжает выжидательно смотреть.

Пришлось продолжить:

— Я и подумал, что возможно в этом мире ещё остался кто-то, кому я... небезразличен? И кто-то, небезразличный мне...

Тонкий палец прикоснулся к губам парня.

— Я уже говорила. Ты слишком много болтаешь. Простого «я люблю тебя» или хотя бы «ты мне нравишься» было бы более чем достаточно.

Они взялись за руки и пошли дальше так. Каждый — не в силах первым поднять взгляд.

— Значит, с фифой из корпорации у тебя не заладилось? — спросила Серафима.

— Да ничего не было!

В голосе бывшей таксистки появились насмешливые нотки:

— Такой милый паренёк не смог охмурить девчонку, которая погрязла в бланках и отчётах? Так я и поверила!

Но на этот раз Виктор был готов:

— Боюсь, я бы не пережил сцены ревности её поклонника...

— Качок, да?

Улыбка парня стала ещё шире:

— Просто машина убийства.

— А как же твоя лошадка?

— Мы по-прежнему друзья, но у Лиры теперь своя жизнь... — начал было Виктор, но перехватил смеющийся взгляд карих глаз и воскликнул: — Фима, я же просил!

— Ладно-ладно, с этого дня ты от меня не услышишь ни одной пошлой шутки...

Они шли молча ещё с минуту. Девушка не выдержала первой и снова спросила что-то, вогнав парня в краску...

* * *

...В беспокойный сон вторгся голос:

— Ску-у-у-ут! Проснись уже, соня, хватит валяться!

Скуталу до смерти хотелось чихнуть. Но почему-то не получалось.

Застонав, пегасенка открыла глаза и увидела наклонившуюся сверху мордочку сестры Редхарт и упёршего руки в бока Джерри, который стоял рядом на подушке.

— Не трогай нос, — сразу сказала белая пони, — Там регенерирующая повязка.

— Чешется, — прогнусавила Скуталу, — Очень!

— Потерпишь, — сказал Джерри, погладив её по щеке, — Легко отделалась.

Скуталу вспомнила предшествующие события и вздрогнула.

Мыш, перехватив испуганный взгляд, сказал:

— Сейчас всё расскажу. Прошло уже два дня, если вдруг тебе интересно.

...Когда Джерри дошёл до момента смерти Рейнбоу Дэш Вендар, то вдруг заметил, как зрачки Скуталу рывком сузились.

— Не бойся, всё позади, — сказал мыш, — Она мертва.

— Я не поэтому, — прогундосила Скуталу, — Она ведь просила прощения, а я не могла ответить... И теперь не смогу ей сказать...

— И ты туда же? — изумлённо спросил мыш, — Да что вы за добрые самаритяне все?!

На мыша уставились полные влаги глазища, заплывшие синяками от удара по носу.

— Я прощаю её, Джерри. За то, что она... спасла нас всех. И тебя тоже спасла. Я не знаю, как бы пережила, если бы тебя не стало...

Мыш отвернулся. Он вспомнил слова Лиры там, в штаб-квартире БРТО, когда был в шаге от того, чтобы сдаться. В глазах предательски защипало.

Скуталу немного подумала и слабо улыбнулась:

— А ещё мне следует попросить прощения у Гайки. Ведь если бы не она, то нам бы пришлось туго. Где она, кстати? Небось, всё ещё дуется за меня за «шпионку» и «изменницу»?

— Скутс, Гайки нет, — упавшим голосом произнёс мыш, не оборачиваясь.

— Нет? То есть она вернулась к тому жуткому крысу? Ну ничего. Он же сказал, чтобы мы заходили в любое время. Вот мы и зайдём, только не к нему, а к Гайке.

Мыш всё же поднял глаза на Скуталу и почти прошептал:

— Гайка погибла...

Улыбка пропала с мордочки рыжей пегасенки и на глаза опять навернулись слёзы.

— Как? — только и смогла выдавить Скуталу.

Джерри вздохнул, собираясь с силами, и продолжил свой рассказ.

Скуталу же, давясь слезами и заикаясь, хотела уже утереть нос копытцем, но вовремя спохватилась и сказала:

— Я... я... совсем не разбираюсь в синтетах.

— Скут, это не так.

— Так! Я больше года бежала и скрывалась от той, кто сама в душе была испуганным жеребёнком, которого никто не понимал. И всё, что ей было нужно — это немного любви, а я решила отплатить ей той же монетой. Или Гайка, которую я обвиняла почём зря, а она...

Скуталу беззвучно расплакалась, и Джерри, усевшись поверх одеяла, гладил её по ноге в полном понимании, что все слова сейчас бессмысленны.

Сестра Редхарт деликатно отошла к другой кровати, где рядом со всё ещё бесчувственной Рэрити сидела Свити Бель и расчёсывала гриву сестры маленьким гребешком.

Маленькая единорожка подняла глаза на подошедшую медсестру и сказала очень тихо:

— Когда Рэрити очнётся, то огорчится, если грива не будет безупречной...

— Свити, я же говорила, ей нужен покой. Всё будет в порядке, честное слово. Нужно только время.

Умоляющий взгляд жеребёнка уставился на белую земнопони.

Медсестра вздохнула и направилась к выходу, не выдержав взгляда зелёных глаз. Уже в дверях она оглянулась и сказала:

— Хорошо, ещё пять минуток.

Стивен и целая делегация пони ждали в коридоре. Здесь была и Рейнбоу Дэш, и оставшиеся двое Меткоискателей, и Лира Хартстрингс.

— Как она? — задал человек мучивший всех вопрос.

Медсестра сделала успокаивающий жест:

— Не знаю, кого именно ты имеешь в виду, Стив... Но с ними обеими и вправду будет всё в порядке. Всё страшное позади, Вельвет просто волшебница...

— Рэрити! — раздался вдруг возглас из палаты.

Все, не сговариваясь, бросились туда и увидели, что белая единорожка открыла глаза.

— Свити Бель... — произнесла она еле слышно и вымученно улыбнулась, — сестрёнка...

Когда обнимашки и восторги чуть поутихли, Скуталу уже относительно успокоилась. И глядя на пони вокруг, Джерри вдруг подумал, что тоже больше не держит зла на Дэш Вендар. Что бы она ни совершила, но её раскаяние и самопожертвование позволили в том числе и ему вновь заглянуть в сиреневые глазищи рыжего ёрзика.

— ...А вот теперь точно можно идти в поход! — решительно заявила Рейнбоу Дэш, рубанув копытом воздух, — Как в старые добрые деньки, да, Скут? Эй, Скут, ты чего сырость развела?

Рыжая пегасенка нашла в себе силы улыбнуться.

На лазурную пегаску уставились ещё три умоляющих взгляда, после чего Дэш со вздохом развела передними ногами.

— Ну куда ж мы без вас, мелюзга, — сказала она, — все пойдём.

И в этот момент раздался слабый голос Рэрити:

— Свити Бель... Даже не думай никуда идти... без меня...

— А куда мы идём? — спросила Скуталу, — Я что-то прослушала.

— А куда бы ты хотела? — вопросом ответила Рейнбоу Дэш прежде, чем Джерри успел её предупредить.

Пегасенка встретила взглядом с Лирой, и вдруг улыбка на рыжей мордочке стала совершенно шкодной.

— «Галакси Плаза!» — выпалила Скуталу, вызвав бурю восторгов среди Меткоискателей.

Джерри в отчаянии закрыл глаза ладонью.

Дети никогда не изменятся. Даже если вырастут во взрослых пони голубого цвета, «самых крутых и потрясных из всех».

Между тем, Стив беззвучно вздохнул с облегчением.

У Рэрити были воспоминания об Эквестрии.

Страшно было представить, каким ударом это стало бы для Свити, если бы родная сестра её не узнала. Но соседи не поскупились на модель EQ, похоже, рассудив, что намного веселее будет поохотиться на дичь, привыкшую к мирной и счастливой жизни...

* * *

Киберпространство. Почтовая служба.

Входящее сообщение:

«Дорогие мистер и миссис Смит. Меня зовут Трикси Луламун. Я была на похоронах, но Вы, вероятно, не обратили на меня внимания, потому что я — синтет, синяя пони-единорог. Хочу, чтобы Вы знали. Я — бывшая невеста Питера. Мы любили друг друга так, как только это возможно между бьющимися в унисон сердцами, и собирались пожениться. Вы можете отнестись к этому так, как сочтёте нужным, и я это приму. Я не смогу заменить Вам Питера. Но люди, являющиеся родителями того, кого я любила всей душой, не могут быть мне безразличны, и я хотела бы быть рядом в наступающих непростых временах.

С наилучшими пожеланиями, Беатрикс Луламун Смит».

Ответ:

«Приезжай к нам, дочка».

* * *

Ли́ра Хартстрингс никогда бы не подумала, что в такое время ей придётся гулять на свадьбе Флаттершай. Пони-тихони, при виде мужественных жеребцов терявшей волю, дар речи и способность двигаться.

Но их с Тандерлейном любовь, что расцвела из простой благодарности за спасение, сотворила

с жёлтой пегасочкой чудо.

Гигаполис с его чрезвычайным положением, биржевым кризисом и скандалами в СМИ остался где-то там, за стеной раннего снегопада и бескрайних заснеженных равнин, в которые моментально превратились холмистые луга Зелёного сектора.

Почётная гостья, принцесса Селестия из клуба «Маяк», заканчивала торжественную речь, осенив расправленными крыльями счастливую пару:

— А теперь — обменяйтесь перьями!

На свет появились две продолговатые шкатулки. Подчиняясь магии принцессы, они одновременно распахнулись, являя взору два маховых пера: чёрное, как ночь, и нежно-жёлтое.

Тандерлейн с улыбкой поднял чёрное перо и ловко пристроил в волосах Флаттершай. Та, в свою очередь, воткнула жёлтое пёрышко прямо в свисающую сбоку косичку чёрного пегаса.

Брачный обычай, когда пегасы обменивались частичками себя, пришёл из эквестрийских воспоминаний, и Лира искренне верила, что он осенён веками традиций.

И как бы там ни было в действительности, обмен маховыми перьями у пегасов символизировал вечный союз сердец, так же, как обмен роговыми кольцами у единорогов или браслетами у земнопони.

— ...властью, данной мне солнцем и луной, — говорила Селестия слова эквестрийской свадебной церемонии, — я объявляю вас жеребцом и кобылой!

Тандерлейн, на морде которого заиграла улыбка чуть ли не впервые со времён его появления на ранчо, притянул к себе покрасневшую Флаттершай и решительно поцеловал в губы.

Писк пегасочки потонул в восторженных криках пони и людей, но Флаттершай быстро пришла в себя, и сама прильнула к мужу, обнимая его ногами и крыльями.

Когда все сумели совладать с чувствами, Лира поймала себя на том, что прижимается к тёплому боку Бон-Бон.

Конфетная пони улыбалась и смотрела на мятную единорожку, и в огромных глазах читалось всё, что та и сама чувствовала.

— Я всё же советовала бы тебе остаться, — сказала она, — хотя бы на какое-то время. Виктору и Серафиме надо побыть вдвоём, Леденечик. Ты же знаешь. Особенные друзья... новобрачные. А квартирка у них небольшая. Да и собирались они куда-то вроде.

— Поверить не могу, что после всего я больше не нужна Виктору!

— Всё не так. Вы по-прежнему друзья. Но особенные друзья — это, согласишься, иногда требует... уединения.

Мятные ушки опустились, а на зелёной мордочке проявился румянец.

— Остайся со мной ненадолго, Леденечик, — сказала Бон-Бон, потеревшись мордочкой о щеку Леры, — Мне всё это время так не хватало тебя, хотя я и сама об этом не догадывалась...

Лира прищурила глаза от удовольствия и нашла в себе силы только кивнуть. Ей не хотелось бросать Виктора одного, но Бон-Бон была права. Стивена не стеснит ещё одна пони на ранчо, а у Виктора и Серафимы пони вечно будет путаться под ногами... хотя друзья наверняка будут отрицать этот факт.

Единорожка вновь перевела взгляд на пегасов.

Те вновь целовались под одобрительные крики всех присутствующих.

— Ещё не всё! — вдруг раздался писклявый голос Пинки Пай.

Все взгляды устремились на розовую пони в нарядном платье, напоминающим морскую форму.

Розовая пони, подпрыгнув чуть ли не до потолка, огласила обеденный зал преисполненным восторга воплем:

— ВЕЧЕРИНКА-А-А!!!

Зал взорвался восторгами, а покрасневшая Флаттершай, смущаясь, подцепила крылом букетик цветов и бросила в толпу.

Никто даже заметить не успел, как тот оказался в зубах у подпрыгнувшей Пинки Пай. Розовая пони, приглушённо хихикая прямо сквозь зажатую в зубах добычу, начала прыгать вокруг сперва обомлевшей, а в следующее мгновение жарко покрасневшей Рейнбоу Дэш...

Когда рубиновые глаза на мгновение встретились с голубыми, пегаска вдруг почувствовала, как в сердце разливается доброе тепло напополам с решительностью.

Рейнбоу Дэш Агилар протянула ногу и привлекла к себе неугомонную королеву вечеринок. Обняла и ткнулась мордочкой, вдохнув запах кондитерской и не обращая внимания на одобрительное улюлюканье вокруг.

Пора уже, наконец, было принять то, что изначально было лишь сочувствием и желанием помочь.

...Рейнбоу Дэш, идя по коридору огромной усадьбы (назвать это домом язык не поворачивался), не могла поверить, что этот человек, Стивен Агилар, помог ей и ничего не требует взамен.

Пленница, беглянка, пойманная с поличным оголодавшая воровка — совсем не та пони, которой захотелось бы помогать. И уж тем более, не та, которую хочется приютить, помыть, накормить, вылечить, подарить новенькую одежду и предоставить просторную комнату просто так, «пока не надумаешь уйти».

В памяти всплыли сбивчивые извинения, которые Стивен заставил во всеулышанье принести всем пони на ранчо. Рейнбоу ожидала смеха, отчуждённости, даже злых слов, но никак не нахлынувших обнимашек.

Изумлённо вскинув голову, Рейнбоу тогда встретила взглядом с таким знакомым взглядом голубых глаз. Но там, в глубине, вместо озорных смешинок остро блеснули два холодных огонька беспросветной тоски.

Видеть взгляд безумной Пинкамины на обрамлённой кудряшками мордочке Пинки Пай было страшно и... неправильно.

Рейнбоу, подойдя к двери с рисунком в виде трёх шариков, хотела уже решительно постучать, но створки уехали в сторону сами.

Тёмную комнату, заставленную в весёлом «пинкипаевском» стиле, освещал лишь экран головизора, в котором сменялись какие-то пейзажи. Сразу вспомнилась древняя, тошнотворная история из фэндома, и по спине пробежал холодок, заставивший крылья рефлекторно дёрнуться в попытке произвольно раскрыться от страха.

Дэш нерешительно переступила порог и вдруг услышала, что с дивана посреди комнаты донёлся сдавленный всхлип.

«Да любитесь вы все понем!» — подумала Рейнбоу и решительно подошла к дивану, где, свернувшись калачиком и отвернувшись от экрана, лежала Пинки Пай.

Из закрытых глаз спящей пони текли слёзы. Внимание Рейнбоу вновь привлёк шрам, пересекающий правый глаз, очевидно, восстановленный при лечении — историю появления розовой сладкоежки на ранчо пегаска уже знала.

Она села рядом. Ей прекрасно было известно, что сейчас она видит перед собой не подругу, а

двойника Озера Отражений, но кто в этом безумном мире поручится, где оригинал, где двойник? Кое-кто из пони вообще считал, что Эквестрии не существует, но Дэш отказывалась верить в подобную ерунду.

Крыло Рейнбоу накрыло розовую пони.

— Пинки, — тихо позвала Дэш, — смотри другой сон, слышишь?

Розовая пони не проснулась. Только повернулась во сне, и вдруг протянув передние ноги, обняла Рейнбоу и с силой притянула к себе, вцепившись будто утопающий в спасательный круг.

Издав сдавленный звук, Дэш не удержала равновесия и упала прямо на Пинки, которая, разумеется, проснулась от такого.

— Рейнбоу... Дэш? — спросила пони сонным голосом, — Это правда ты?

— Хех... конечно, — нашла в себе силы улыбнуться пегаска, — Кто же ещё?

Она хотела уже попросить Пинки отпустить, но та вдруг ещё крепче прижалась к Рейнбоу и с новой силой расплакалась.

— Ну что ты... — успокаивающе прошептала радужная пегаска в розовое ухо, вновь накрывая подругу крыльями, — Это просто сон...

— Нет, нет, — возразила Пинки, не открывая глаз, — Это не сон, это было, было! И я страшно боюсь, что сон — это сейчас, когда рядом и Стивен, и все остальные... и даже... даже ты!.. Я закрываю глаза, и будто открываю их, снова там... там...

Вслушиваясь в утрачивающую связность речь Пинки, ощущая тепло её тела и такой знакомый запах кондитерской, Дэш даже не знала, что можно сделать в такой ситуации.

— Я сделала это, — вдруг сказала Пинки, подняв взгляд.

Её волосы вдруг распрямились, и Рейнбоу почувствовала, что сейчас позорным образом даст дёру от взгляда голубых глаз Пинкамины.

Глаз, которые пару раз являлись Рейнбоу в кошмарах после просмотра жуткого фильма, что являлся, по словам бывшего хозяина, «тёмной классикой фэндома».

— Я не знаю, как узнать, где сон, а где явь? — говорила тем временем розовая пони, — Где

кошмар, а где доброта?.. Помоги мне, Рейнбоу Дэш!.. Я так запуталась...

Рейнбоу прикрыла глаза. Это было ужасно, наблюдать, как мечется Пинки Пай, как подругу даже здесь, в удивительном месте, полном доброты и заботы, настигают кошмары. Настигают, несмотря на весёлые вечеринки, заботу и покой...

Сомнения и страх сменяются решимостью. Той, что сопровождает радужную пегаску, когда она срывается в пике.

— Я знаю только один способ доказать прямо сейчас, что ты не спишь, — сказала Дэш, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Пусть теперь за спиной будут снова перешёптываться, плевать.

...гремит гром, и звуки исчезают, а сквозь тело течёт безумная энергия...

Рейнбоу решительно встала и потянула за собой Пинки Пай.

...Радуга расходится в небе...

— И это — кое-что особенное для тебя, Пинки.

Откинув в сторону радужную чёлку, Дэш приблизила мордочку вплотную и скорее почувствовала, чем увидела, жаркий румянец, окрасивший розовую шерстку на щёках.

...Радужный Удар.

Губы пони соприкоснулись. Рейнбоу почувствовала на языке соль от пролитых слёз. Голубые глаза испуганно распахнулись, но в следующий момент веки опустились.

Мгновение нерешительности длилось лишь миг. Рейнбоу, нависнув над подругой и распахнув крылья, ненадолго оторвалась от её губ и одними глазами спросила:

«Да?»

Ответ был очевиден.

* * *

Бон-Бон привлекла внимание подруги, тронув ту копытом:

— Уже придумала, чем займёшься, Леденечик?

— Да, — твёрдо ответила Лира, — Я хочу, чтобы грядущие поколения никогда не повторили ошибок текущего. Чтобы ни одна жизнь не была больше загублена по недомыслию.

— И что же это? — удивилась земнопони.

— Педагогические курсы.

— Ты серьёзно?

— Более чем.

— Кто же позволит синтезу учить детей?

Лира улыбнулась и ткнула мордочкой в щёку подруги.

— Сейчас решается вопрос о правовом статусе синтезов, — сказала она, явно цитируя Элен, — И почему-то мне кажется, что жители Белого города не захотят отказываться от прав. А значит, уравнины будут все.

— И негуманоиды?

— Время покажет. Но то, что мне ответили положительно, уже о многом говорит, не правда ли?

Бон-Бон кивнула и улыбнулась. Похоже, её подруга и впрямь захотела ещё больше изменить мир...

* * *

Принцесса Селестия, прилетев в клуб поздно вечером, приземлилась прямо на балконе.

Телекинезом на ходу выпутываясь из церемониального платья, принцесса проследовала в покои. И только там, где никто не видел, она позволила себе печально прикрыть глаза и опустить уши. Повинуясь мысленному усилию, голографическая грива погасла, явив миру аккуратную розовую причёску и хвост.

В эту ночь в клубе «Маяк» никого не было. Серж Трояновский вместе со своими пони остался на ранчо Стивена, как и многие другие. Принцессу тоже звали, но ей хотелось побыть одной, а на следующий день, надев виртуальную личину, вновь пытаться найти родственную душу на просторах Киберсити.

Весёлый праздник, счастливые лица друзей, новая понячья семья... Это было прекрасно, но всегда после подобного Селестия чувствовала, насколько одинока она сама. Все видели в ней символ, принцессу сказочной страны, но очень редко — обычную пони, нуждающуюся в искренних чувствах.

Принцесса вздохнула. Пышное платье отправилось в шкаф, а его место занял лёгкий, «домашний» халатик.

Внимание привлёк зуммер входной двери. Принцесса покосилась на часы и изумлённо вскинула бровь: почти полночь. Кто мог прийти в клуб в такое время, не имея ключа?

Аликорн спустилась вниз и посмотрела в камеру наблюдения. На крыльце не было никого.

Принцесса уже повернулась, чтобы уйти, чувствуя лёгкое раздражение от такого ребяческого хулиганства, но её внимание привлёк новый звук.

Плач.

Принцесса вздрогнула и оглянулась. Из динамика камеры доносилось приглушённое хныканье малыша.

Забыв об осторожности, принцесса Селестия дала команду на открытие двери и увидела, что на крыльце клуба стоит неплотно закрытая коробка из-под капсулы-инкубатора.

На снегу виднелись лишь следы, уходящие в ночь. Селестия могла лишь предполагать, что это был фурри, антропоморфный зверь. Слишком уж характерными были отпечатки лап, напоминающих кошачьи.

Согласно надписям под эмблемой «Хасбро», внутри коробки должна была находиться «Маленькая Вуна». Селестия знала, что это модификация принцессы Луны, не имеющая возможности вырасти дальше некоторого предела без установки особого нейродрайвера. Сбоку коробки было грубым маркером приписано «бесплатная пони».

«Там может быть что угодно», — подумала аликорн, поднимая телекинезом коробку, которую уже успел припорошить снег.

Несмотря на эти мысли, её пробрала нервная дрожь. Хныканье раздалось снова, и принцесса, не выдержав, бросилась вверх по лестнице, несолидно спотыкаясь и чуть ли не путаясь в халате.

Поставленная у камина коробка распахнулась, и сердце принцессы Селестии сжалось. Внутри на скомканном одеяле и вправду сидела маленькая аликорн тёмно-синего цвета. Заплаканные глаза-бусины уставились на нависающую сверху принцессу. И вдруг малышка протянула передние ноги и засмеялась, будто узнав сестру.

Селестия, не в силах больше сдерживаться, вытащила малышку из коробки и, прижав к себе, обняла крыльями. Маленькая Принцесса Ночи что-то довольно пискнула и зарылась носиком в белоснежную шёрстку...

Белая аликорн просидела так полночи, не смея и не желая двигаться с места, чтобы не разбудить маленькую кобылку. Умом, она, безусловно, понимала, что подкидыш оказался у неё не случайно: о том, что Селестия из «Маяка» ищет сестру, благодаря киберсети было известно едва ли не всем пони Европейского Гигаполиса. И тем не менее, за аликорна, да ещё и жеребёнка, пришлось бы выложить такую сумму, что тратить её лишь для того, чтобы потом просто взять и выкинуть по купку, могли себе позволить очень немногие.

Но всё это не имело ни малейшего значения.

* * *

Марта Брикман шла по улице, кутаясь в пальто.

Нужно было успеть переделать все дела до комендантского часа, что ввели после выступления какой-то важной девицы из БРТО.

С недавних пор на улицах стало ещё опаснее обычного, а после наступления темноты по Серому городу стало лучше вообще не болтаться.

— ...тебе понятны твои права? — слышался обрывок разговора откуда-то со стороны.

Женщина мельком взглянула туда и увидела двух полицейских, что застёгивали ошейник на

оранжевой пони-синтете. Та немного походила на недавно встреченную Лиру Хартстрингс, но на лбу не было рога.

— Понятно усё, — грустно вздохнула пони, опуская голову, — какие там права...

Соломенного цвета чёлка упала на глаза. Эпплджек Райт, оказавшаяся на улице после того, как её хозяина умудрилась выкинуть из окна какая-то взбесившаяся Рейнбоу Дэш, не строила иллюзий по поводу своей дальнейшей судьбы.

— Тебе вменяется в вину соучастие в убийстве Фрэнка Джей Райта, — продолжил полицейский, доставая пистолет, — по закону о чрезвычайном положении, без поручителей приговор выносится полевым судом на месте. Это ясно?

Пони снова кивнула, не смотря на людей. Что ж, по крайней мере, это будет быстро.

— Стойте, — сказала подошедшая Марта, — Что нужно, чтобы стать поручителем?

К ней повернулись два глухих забрала шлемов.

— Мисс Марта Брикман, — сказал один из копов, сверившись с показаниями шлема, — Вам потребуется взять синтета на поруки до окончания чрезвычайного положения, после чего состоится суд в стандартном порядке. Для этого нужно заполнить форму триста сорок семь и ввиду серьёзности обвинения внести залог в две тысячи кредитов.

Марта молча залезла в сумочку и протянула стянутые резинкой купюры, которые она так и не решилась потратить.

— Где расписаться? — спросила она, встретившись взглядом с огромными зелёными глазами, в которых вспыхнула надежда.

Форма была заполнена в течение минуты, после чего полицейский, расстегнувший ошейник Эпплджек, спросил:

— Зачем Вам это, мисс Брикман?

Марта улыбнулась:

— Всё равно не поймёте. Считайте, что для дочки.

Когда полицейский флаер улетел, подала голос оранжевая пони:

— А всё же, зачем?

Мягкая рука погладила гриву пони.

— Затем, что я ни на грош не поверила слухам, что синтеты, и пони в частности, действуют в интересах БРТО. И что помогать друг другу надо всегда, особенно в трудные времена.

Услышь эти слова Лира Хартстрингс Стюарт, её сердце переполнили бы счастье и гордость.

* * *

Твайлайт Спаркл сидела в своей комнате с задумчивым выражением на мордочке. Перед ней парил инфопланшет, на котором была выделена простая папка с не менее простым и понятным названием «Путь домой».

Под папкой нетерпеливо мигала надпись «Удалить? Да/Нет».

Когда Лира спрашивала «принцессу ранчо» о волшебной стране, фиолетовая единорожка несколько кривила душой, говоря о том, что прекратила поиски возможности возврата. В папке был почти законченный проект, который оставалось только воплотить в металле и протестировать.

Вопрос, сработает он или нет, был лишь вопросом реальности Эквестрии.

И Твайлайт уже было решила, что после тестов на автоматике, первой испытуемой будет она сама, потому что не могла подвергнуть риску пони на ранчо, которые стали для неё чем-то вроде семьи.

...мордочки пони, искажённые злобой и чувством собственной безнаказанности... немота во всём теле от выстрела из парализатора, но тогда Твайлайт только благословляет её...

Это было нелогично. Бессмысленно. Значит, этого не могло быть.

Единорожка помотала головой, отгоняя воспоминания, подёрнутые дымкой беспамятства. Она убедила всех вокруг, и саму себя, что этого не было.

Как учёному, ей было стыдно за этот самообман, однако ничего с собой поделаться она не могла.

Но события последних пары дней заставили единорожку усомниться в принятом решении. Ведь если Лире, Скуталу, Джерри и Гайке при поддержке двоих людей удалось поставить весь мир с ног на голову и заставить даже вечно хмурую Трикси смотреть в будущее с надеждой, то, может быть, не всё ещё потеряно? Станет ли бегство выходом?

Мучительно тянулись минуты.

Наконец, Твайлайт пару раз взмахнула стилусом...

* * *

Бордель «Полёт Фантазии» был закрыт уже неделю.

Полубоевые синтететы в полицейской броне без опознавательных знаков и с бластерами охраняли вход, но обитателям заведения от этого было не легче. Потому что охрана предназначалась лишь собственности мистера М.

После скандальной пресс-конференции под окнами каждый день собиралась толпа людей. На транспарантах и плакатах были лозунги, призывающие, в лучшем случае, «сжечь уродов» или «тварей БРТО на колбасу».

Несколько погромов с жертвами заставили власти ввести комендантский час и выдать полиции тяжёлое оружие. Но до сих пор случалось, что силы правопорядка мистическим образом задерживались по вызову на очередной синтететский погром.

Например, недавно сгорело в Руинберге общежитие гуманоидных синтететов, которые до недавнего времени не интересовали вообще никого.

По телевизору шли жаркие дебаты о признании прав синтететов. Но пока правовая брешь не была заполнена, де-факто все обитатели борделя оставались собственностью хозяина.

Мораторий Ассамблеи на торговлю синтететами, насилие и принуждение к чему-либо привёл лишь к тому, что менеджер попросту собрал всех в зале и объявил, что, так как подобная деятельность отныне незаконна, всем «отныне свободным» синтететам предлагается в течение суток покинуть стены заведения и искать средства к существованию самостоятельно. Выходное пособие будет выдано всем, но не более.

Лира Хартстрингс, вместо прим-фамилии носившая пятизначный номер, вместе с остальными

пони сидела в одной из больших комнат, из которой ещё не успели вынести всю мебель.

Все они целиком провели свою жизнь в стенах «Полёта Фантазии». Большую партию из двадцати героев сериала закупили около восьми лет назад, и с тех пор те не знали другой жизни. Не было даже искусственных воспоминаний о яркой карамельно-сказочной стране.

— Как только мы выйдем за ворота, нам конец, — сказала вслух Твайлайт Спаркл то, о чём думали все присутствующие.

— Но за что? — срывающимся голосом спросила Рэрити, даже сейчас каждый день выглядящая безупречно, — Разве мы виновны в том, что это на нас БРТО тестировали свою программу... Как там её?

— «Оверлорд», — машинально ответила Твайлайт.

— Без обид, — подала голос Флаттершай, облачённая в кожу и цепи, — но мы улетим. Ничего личного.

— У них там пушки есть, — мрачно заметила сидящая рядом с Лирой у окна Эпплджек, — но попробуйте. Вдруг повезёт.

— Сама доброта, — буркнула Бон-Бон.

— Вы мне не друзья, — парировала жёлтая пегаска, поправив фуражку и убрав от мордочки гриву с характерной чёрной прядкой, — посмотрим правде в глаза, девочки, идти нам некуда.

Лира согласно кивнула, не отрывая взгляда от окна. Кое-кто из клиентов говорил ей тёплые слова, и с некоторыми Лира не прочь была бы встретиться ещё раз. Но увидев пару знакомых лиц в злобной толпе на улице, единорожка, пожалуй, теперь согласилась бы с Твайлайт.

Мятно-зелёная единорожка чувствовала себя преданной всеми. Хозяевами, которые за, в общем-то, честный и довольно тяжёлый труд платили такой вот неблагодарностью. Людьюми, которым она, по их словам, нравилась, а теперь они хотели её крови. Всем миром, который в одночасье перестал быть простым и понятным.

Хотелось разреваться, не слёз как будто не осталось.

— Если будем держаться вместе, у нас есть шанс отбиться! — заявила вдруг пегая пегаска, сидящая отдельно от всех.

Флаттершай фыркнула:

— Как же! Уж больше шансов сбежать по одиночке!..

Разгорелся спор. Кто-то подошёл поближе, чтобы разнять назревающую очередную потасовку Скраппи с Флаттершай.

— Каденс, можно твой коммуникатор? — попросила вдруг Лира.

Единственная аликорн удивлённо подняла взгляд и уши, но не стала спрашивать. В сиянии подлетел небольшой браслет, и Лира, перехватив прибор собственным кинетическим полем, надела его на переднюю ногу.

Негласным лидером всех пони заведения была не она, а Твайлайт Спаркл. Каденс для этого была слишком скромной и мягкой. Многие находили это соблазнительным, но лидерских качеств у аликорна, понятное дело, не было. В частности, только у Твайлайт получалось найти аргументы для самых разных пони и даже, образно говоря, держать в узде даже таких задир, как Скраппи Раг и местная Флаттершай.

— Возможно, я знаю, кто нам поможет, — ответила Лира на незаданный вопрос и стала набирать номер, написанный на салфетке самыми странными посетителями за всю «карьеру» единорожки...

* * *

Стивен Агилар вышел во двор, чтобы позвать Сноудроп на ужин. Уже стемнело, первый в этом году пушистый снег сыпал с неба, но человек не беспокоился: слепую пони никогда не смущала плохая видимость, а ориентироваться она могла поистине чудесным образом.

Пегаска была здесь. И она танцевала, кружась на задних ногах будто с невидимым партнёром, делая замысловатые па и пируэты. В тишине зимней ночи, улыбаясь неизвестно чему. Иногда она расправляла крылья и почти взлетала, утрачивая вес и едва касаясь копытцами снега.

Стив какое-то время наблюдал. Он никогда раньше не видел, чтобы Сноудроп так танцевала, да ещё на улице. Поняша была стеснительной и даже на минувшей свадьбе старалась сидеть тихо.

Сноудроп тем временем приблизилась к Стиву и вдруг поклонилась ему, как зрителю. После чего встала на четыре ноги и сказала, отвечая на незаданный вопрос:

— Снег, Стив. Зима, она... сегодня зазвучала как-то по-другому. Не как раньше. И я будто

вспомнила детство, которого никогда не имела. Это чувство, когда снег впервые заиграл музыкой звёзд.

Стивен улыбнулся.

— Волшебство вернулось в мир людей? — спросил он.

— Не знаю, — вернув улыбку, ответила пони, — а оно разве уходило?

— Пора ужинать, — сказал человек, почесав её за серебристым ушком, — идём, малышка.

Сноудроп только хихикнула и отошла в сторону, где стояла Рейнбоу Дэш, готовая взлететь.

Крылья с тихим шорохом расправились, и две пегаски взмыли вверх, в бескрайнее небо, заполненное снегом.

Рейнбоу Дэш и Сноудроп взяли за передние ноги и закружились, словно в танце, продолжая набирать высоту. Несколько промозглых мгновений клубящегося тумана, и в глаза ударило сияющее морозное солнце высот.

Пони на мгновение зависли над бескрайней равниной облаков.

— Давай, — прошептала Сноудроп, — Прямо сейчас...

Крылья синхронно сложились, и две обнимающиеся фигурки начали неудержимо падать...

Стивен Агилар стоял, задрал голову, и смотрел в небеса. Облака словно в страхе разлетелись под напором волны ослепительного белого сияния, за которым сразу шла волна, окрашенная в цвета спектра.

Кто-нибудь сказал бы, что Радужный Удар — это выдумки, не заложенные в возможности пегасов. Тем более — Снежный Удар в исполнении пони, которая вообще не должна уметь подобного, в отличие от Рейнбоу Дэш.

Как известно, синтез не способен делать того, что не предусмотрено программой.

Например, первым полюбить человека.

Совершив невозможное, две пегаски расправили крылья и заложили круг над ранчо.

В ясное небо ворвался солнечный свет, заигравший на далёких иглах Шпилей...

* * *

Огромный, во всю стену, экран показывал, как в здание корпорации «Сентинел», занимавшейся разработкой вооружения для регулярной армии, вламывались бронированные фигуры с эмблемами ГСБ на спинах.

Диктор говорил:

«...по миру прокатилась волна арестов среди топ-менеджмента глобальных корпораций. ГСБ пока не даёт комментариев, но, очевидно, что это связано со скандальным заявлением Элен Флаис, ранее занимавшую должность директора по развитию БРТО...»

— Никогда не думал, что закончу свои дни вот так, — сказал Крис де Лавье.

Голос из-под шлема звучал глухо.

— Да, я тоже, Крис, — сказала Астра Бенсон, пресс-секретарь БРТО, давно получившая кличку «стальная старуха» — Я тоже думала, что своими глазами увижу Исход, но жизнь несправедлива. Помните, парни, мы сражаемся здесь ради будущего всего человечества... «Ковчегу» нужно дать лишь немного времени, чтобы он вышел из радиуса действия дистанционного управления.

— Не отвлекаемся, — буркнул Ричард Оуэнс.

В руке бывшего владыки жизни был самый обычный пистолет службы безопасности. Бронежилетом президент пренебрёг, отдав предпочтению портативному генератору щита.

В укреплённые двери зала заседаний кто-то ломился, но вскоре по металлу побежала искра плазменного резака, оставляя за собой неровный шов.

— Пони... — произнёс Крис де Лавье и нервно хохотнул, — Кто бы мог подумать?

Дверь рухнула, явив взорам огромные фигуры в угловатой броне.

Федеральные мегадесантники — боевые синтеты, каждый из которых в бою стоил десятка

тренированных людей.

— Огонь! — крикнула Астри Бенсон, вскидывая собственный бластер, элегантный и тонкий, как и положено леди.

Они продержались почти полминуты.

И ещё пару минут боевые синтетты искали пульт управления «Ковчегом», который корпоранты просто не успевали уничтожить.

Но когда техник подключил к компьютерам модуль удалённого доступа, было уже поздно.

Полупустой, подготовленный лишь на пятьдесят три процента корабль уже зашёл за Луну и включил автоматические системы управления, которые должны были вернуть его к Земле лишь спустя столетия...

<http://tl.rulate.ru/book/82033/2552605>